

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Рынок труда регионов и муниципалитетов России в кризисные периоды 2020–2022 гг.

Научный дайджест № 2 (31) • 2024

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 80 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Инструменты формирования научно обоснованной пространственной политики на внутрорегиональном уровне на основе детализированных пространственных данных».

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О. В. Ворон
Авторы: Е. В. Антонов, А. В. Шелудков
Редактор: М. А. Кучеренко

Введение и постановка проблемы

Проблема территориального неравенства не теряет актуальности для России. Совокупность социально-экономических факторов пространственной поляризации продолжает воздействовать на степень концентрации населения, стимулируя интенсивную депопуляцию сельской местности и небольших городов при устойчивом миграционном потоке в региональные и, особенно, федеральные центры¹.

Измерению параметров пространственного неравенства в России посвящено множество исследований, однако подавляющее число из них фокусировалось на территориальном уровне субъектов Федерации², изредка останавливаясь более подробно на населенных пунктах, прежде всего городах³. Причиной тому остается общая недостаточность муниципальной статистики, формируемой ФСГС РФ (Росстатом) по ограниченному числу индикаторов и на основе неполных данных. Так, могут быть сделаны определенные выводы о динамике территориального неравенства, однако полная картина во многом остается неясной.

Прежде всего это относится к таким базовым индикаторам территориального неравенства, как параметры рынка труда: к уровню занятости населения и заработной платы. Существующая база данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) предлагает для анализа небольшое число статистических показателей, рассчитанных по крупным и средним предприятиям и организациям, занятость в которых охватывает лишь чуть более половины всех официально трудоустроенных работников, сильно отличается по регионам России и муниципалитетам разного размера и типа. Централизованных баз данных о реальных уровнях безработицы (по методологии Международной организации труда, МОТ) и доходах населения для уровня муниципальных образований вовсе не существует. И современное положение, и тем более динамика территориальных различий на субрегиональном уровне остаются для исследователей terra incognita. Динамика ключевых индикаторов социально-экономического развития зависит от выбранного территориального уровня анализа: национальные тренды могут расходиться с динамикой на уровне регионов, и тем более муниципалитетов, что особенно заметно в периоды кризисных явлений.

Фактически единственным источником альтернативных Росстату и открытых сведений о локальных рынках труда остаются данные Федеральной налоговой службы (ФНС). Каждый год территориальные органы ФНС публикуют сводные данные по форме отчета по налогу на доходы физических лиц (форма 5-НДФЛ) в разрезе муниципальных

¹ Например, *Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V.* The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia // *Regional Research of Russia*. 2016. V. 6. P. 332–343; *Kashnitsky I.* Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // *GeoJournal*. 2020. V. 85. № 1. P. 173–185; *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Динамика населения крупных городов, их пригородов и периферии в России за межпереписной период 2011–2021 гг. // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 4 (61). С. 93–109.

² Например, Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // *Региональная экономика*. 2010. №1. С. 26–35; Слепухина И.Л., Браде И. Поляризация пространства России: города и регионы // *Проблемы регионального развития России / Вопросы географии*. Сб. 141 / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 90–109.

³ Например, Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов в России в 2010-х годах // *Региональные исследования*. – 2019. – 1 (63). – С. 39–51; Малкина М.Ю. Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения РФ // *Пространственная экономика*. 2014. №3. С. 44–66.

образований. По этим данным можно получить представление о величинах трудовых доходов населения, численности занятого населения вплоть до самого низкого территориального уровня – сельских и городских поселений, по полному кругу предприятий и организаций. Это дает возможность не только сделать «снимок» текущей дифференциации рынка труда, но и сравнить ситуации и тренды на разных территориальных уровнях – от национального и регионального до самого низкого поселенческого.

Мы полагаем, что динамика рынков труда и связанных с ними показателей территориального неравенства на региональном и субрегиональном (муниципальном) уровнях в России в последние годы могла различаться и даже иметь разнонаправленный характер. Признаки этой разнонаправленности отмечались ранее по отдельным показателям, но на сплошных массивах данных не получали объективного доказательства.

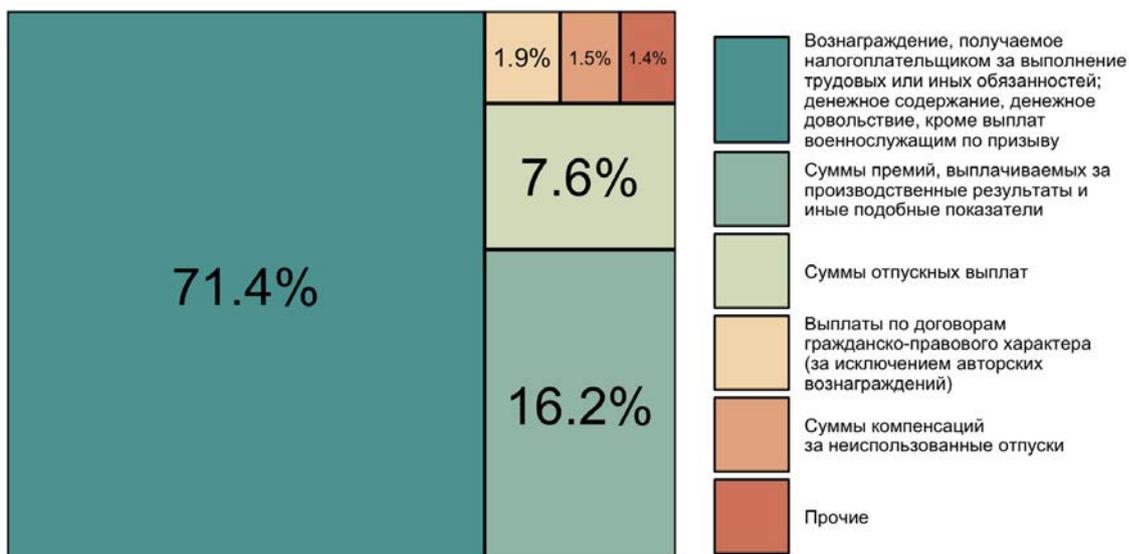
Методология

Для оценки уровня и динамики трудовых доходов населения по данным Федеральной налоговой службы (ФНС) использовались открытые сведения по формам статистической налоговой отчетности по налогооблагаемым доходам физических лиц (по форме 5-НДФЛ) в 2019–2022 гг., публикуемые региональными органами ФНС на уровне муниципальных образований. Для расчета уровня заработной платы использовались данные по коду дохода 2000, соответствующего основному денежному вознаграждению работника со стороны работодателя за выполнение им своих трудовых обязанностей⁴. В 2022 году совокупная доля трудовых доходов по коду дохода 2000 составляла 71,4% всех трудовых доходов граждан и 41% всех доходов физических лиц (облагаемых по всем возможным ставкам НДФЛ от 9 до 35%).

Помимо денежного вознаграждения, учитываемого в налоговой статистике по коду дохода 2000, существуют и иные типы выплат со стороны работодателя, которые составляют заработную плату работников (Рисунок 1). К ним относятся премии за производственные показатели (код дохода 2002), отпускные выплаты (код дохода 2012) и выплаты за неиспользованный отпуск (код дохода 2013), выплаты по договорам гражданско-правового характера (код дохода 2010), а также иные типы выплат, на которые в совокупности приходится менее 1,5% общих трудовых доходов.

Рисунок 1

Структура трудовых доходов физических лиц (%) по налоговой базе НДФЛ (без доходов от авторских вознаграждений), в целом по РФ в 2022 году.

Источник: рассчитано по данным ФНС.

⁴ См. Приказ ФНС России от 10.09.2015 N ММВ-7-11/387@ (ред. от 24.10.2017) «Об утверждении кодов видов доходов и вычетов».

С методической точки зрения более объективным было бы оценивать доходы по всем упомянутым кодам трудовых доходов, однако для муниципальных образований низового уровня (особенно сельских поселений) это невозможно из-за применяемого ФНС механизма сокрытия данных в целях обеспечения конфиденциальности интересов налогоплательщиков. В этой связи для анализа продолжительного временного ряда данных и по максимально полной (и сквозной, доступной за все годы) выборке муниципалитетов использовался только основной код дохода 2000, который составляет базу трудовых доходов и в полной мере отражает особенности пространственной дифференциации занятых и их доходов.

Средняя оплата труда на территории рассчитывалась путем деления суммы доходов (за вычетом удержанной суммы НДФЛ) на число уникальных физических лиц (только среди граждан РФ), уплативших налог по коду дохода 2000. Для межрегиональных сравнений и анализа динамики размер средней заработной платы (за год на 1 занятого) соотносился со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг в соответствующем году и регионе. В итоге, расчетное скорректированное значение заработной платы можно определить как *условную покупательную способность заработной платы* работника за год, принимая в расчет, что она учитывает в среднем 71,4%, а не 100% от всех трудовых доходов населения.

Расчеты проводились на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований наиболее дробного уровня: внутригородские территории городов федерального значения, городские/муниципальные округа, городские/сельские поселения⁵. Чтобы сохранить полные временные ряды на 2019–2022 гг., учитывались только муниципальные образования, которые не меняли статус и границы. В итоговый набор данных вошла информация по 15,3 тыс. муниципальных образований (84% от общего числа на 1 января 2022 г., без учета муниципальных районов), в которых в совокупности проживало 137,2 млн чел. или 94% населения России на 1 января 2021 г. Данная статистика отражает только официальную занятость и не учитывает самозанятых и индивидуальных предпринимателей, использующих иные налоговые режимы и не уплачивающих НДФЛ.

⁵ Для целей сопоставления Севастополь, Махачкала, Самара и Челябинск рассматривались как городские округа.

Результаты исследования

За 2019–2022 гг. число граждан Российской Федерации, получивших доходы от трудовой деятельности (по коду дохода 2000) снизилось на 2%, а медианное сокращение по регионам составило 2,8%. Эти цифры отражают слабо отрицательную тенденцию к *снижению численности официально занятых в российской экономике* и по демографическим причинам, в силу сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, и по экономическим причинам, связанным со стагнацией национальной экономики при продолжающихся процессах оптимизации занятости и повышения производительности труда. Кроме того, по всей видимости имел место и некоторый переток занятых из числа штатных сотрудников в число самозанятых, который несмотря на активное противодействие со стороны ФНС все же практикуется работодателями с целью снижения налоговой нагрузки. Значимые приросты числа занятых зафиксированы лишь в Москве (+3%) и некоторых национальных республиках Северного Кавказа (Чеченская +14,6%; Ингушетия +11%; Дагестан +5%), что скорее может быть связано с продолжающимся «обелением» занятости, чем реальными экономическими причинами.

Динамика покупательной способности заработной платы в 2019–2022 гг. по стране в целом и в регионах имела слабый положительный тренд: среднее значение по РФ выросло на 4,3%, медианное среди субъектов по итогам четырех лет практически не изменилось. При этом дифференциация продолжает оставаться на достаточно высоком уровне, когда разрыв между наибольшим (г. Москва) и наименьшим (Ивановская область) значениями составляет около 2,5 раз. Картина межрегиональной дифференциации доходов по данным ФНС (Рисунок 2) в целом совпадает с альтернативными оценками заработной платы по данным ФСГС РФ и иллюстрирует сложившийся градиент «север-юг», между относительно богатыми регионами севера (в т.ч. в азиатской части страны) и менее богатыми регионами юга, в первую очередь европейской части страны. Локальные отрицательные отклонения от этого общего правила характерны для некоторых регионов Северного Кавказа и Центральной России.

Рисунок 2

Покупательная способность заработной платы в регионах России в 2022 году.

Источник: рассчитано по данным ФНС и ФСГС РФ.

Оценка для разных территориальных уровней или полимасштабная оценка динамики (Таблица 1) показывает, что в кризисный 2020 год спад числа рабочих мест был более выражен на низких территориальных уровнях. В 2022 году ситуация повторилась, но с меньшей силой. Проводя анализ динамики заработной платы, можно выявить, что кризисные явления 2020 года также привели к более сильным сдвигам на муниципальном уровне, но уже в положительную сторону: в отличие от среднего по РФ роста на 2,1% и медианного на 1,6% среди регионов, покупательная способность заработной платы на локальном уровне затронула большое число муниципалитетов, благодаря чему медианное значение выросло сразу на 5%. Кризисные же явления 2022 года (прежде всего, рост инфляции) привели к сокращению покупательной способности зарплат в большинстве регионов и муниципалитетов, что не проявилось на национальном уровне.

Таблица 1

Динамика (% к предыдущему году) числа рабочих мест и покупательной способности заработной платы в 2019–2022 гг.

	Число рабочих мест			Покупательная способность заработной платы		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
РФ	98,2	100,2	99,7	102,1	102,2	100,3
Регионы*	97,7	100,2	99,4	101,6	101,1	97,5
Муниципальные образования*	96,3	100	98,4	105,0	99,9	98,6

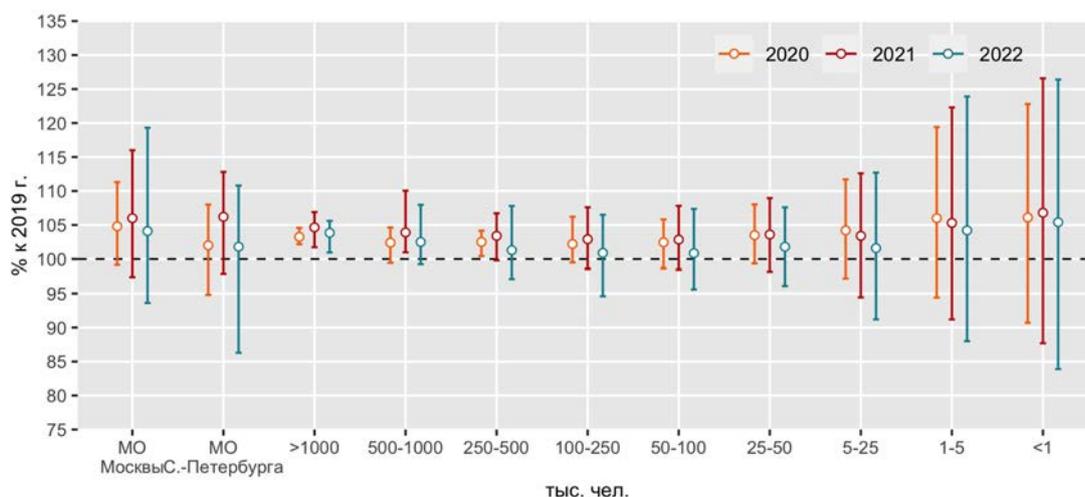
* медиана

Источник: рассчитано по данным ФНС.

Развернутая детализация погодовой динамики также показывает, как локальные рынки труда в муниципалитетах различного размера по-разному реагировали на ковидные ограничения 2020 г. и санкционное давление 2022 г. По итогам ковидного 2020 г. наибольший прирост покупательной способности заработной платы показали как самые крупные муниципалитеты, так и, наоборот, самые мелкие (Рисунок 3). Это было связано, по всей видимости, с дополнительными выплатами медицинскому персоналу: в крупных городах и региональных центрах помимо федерального финансирования им сопутствовали региональные доплаты, а в мелких муниципалитетах даже небольшой новый источник дополнительного финансирования для очень ограниченной группы занятых привел к заметному увеличению средних значений. Затухающее влияние коронавирусных мероприятий для малых муниципалитетов (менее 50 тыс. жителей) практически полностью ограничилось 2020 годом и в целом в 2021–2022 гг. ситуация перешла к снижению, вызванному стагнацией номинальных трудовых доходов при ускорении инфляции. В крупных городах-муниципалитетах (от 500 тыс. чел.), в Москве и Санкт-Петербурге рост продолжался и в 2021 году, однако по итогам 2022 г. в этих группах также произошло заметное снижение медианных уровней заработной платы. Вероятно, для крупных городов более заметным в 2022 г. стало санкционное давление, выразившееся в прекращении деятельности предприятий с иностранным участием.

Рисунок 3

Динамика покупательной способности заработной платы в муниципалитетах различного размера⁶, 2019–2022 гг. Примечание: на графике для каждой группы показан разброс значений в интервале [10%; 90%] и медиана.

Источник: рассчитано по данным ФНС.

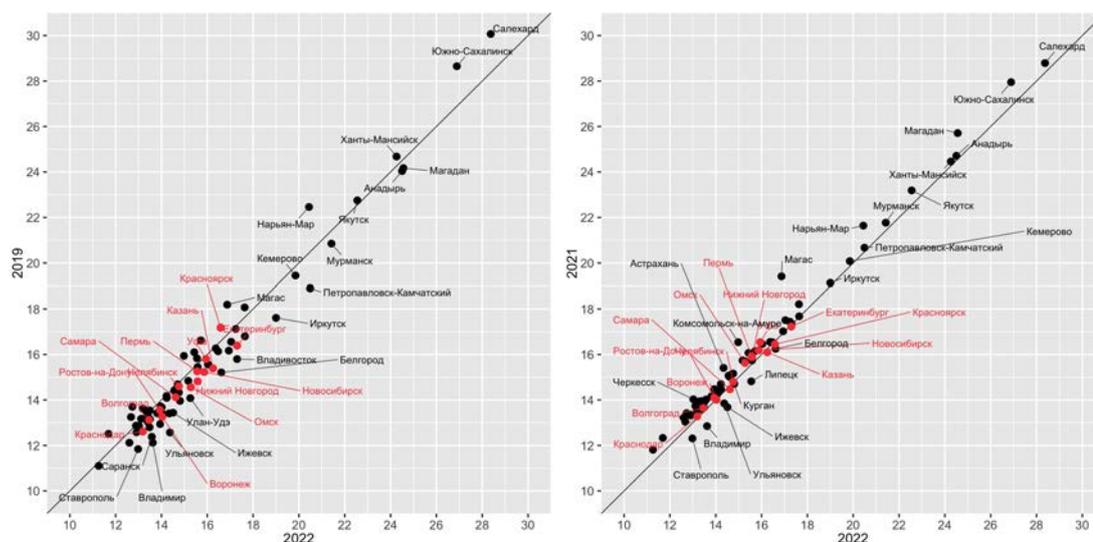
Динамика заработной платы в региональных центрах отражает ситуацию по крупным городам. В целом в большинстве региональных центров заработная плата за период 2019–2022 гг. увеличилась (Рисунок 4 слева), причем более выраженным прирост был для городов с более низкой базой. Единственным городом-миллионником, для которого произошло снижение заработной платы стал Красноярск, а наибольшие относительные

⁶ По численности постоянного населения на 1 января 2021 г.

приросты (отклонение от прямой на рисунке вправо) показали дальневосточные и сибирские центры: Петропавловск-Камчатский, Иркутск, Владивосток, Улан-Удэ. В 2022 году (Рисунок 4 справа) абсолютное большинство региональных центров демонстрировали падение средней покупательной способности заработной платы. Немногие исключения – Липецк, Владимир, Ижевск, Ульяновск и Ставрополь.

Рисунок 4

Динамика покупательной способности заработной платы в региональных центрах России в 2019–2022 гг.

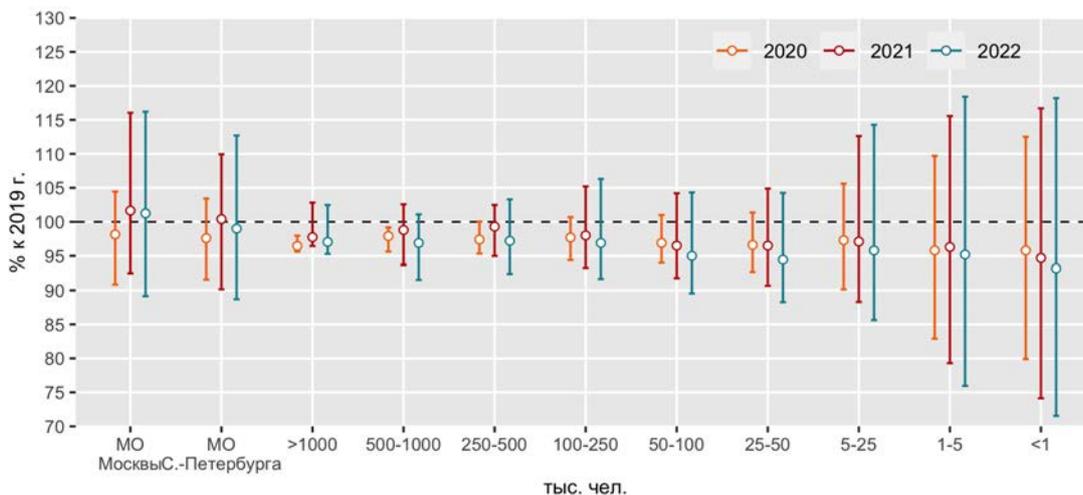

Источник: рассчитано по данным ФНС России.

Анализ динамики числа рабочих мест в муниципалитетах разного размера (Рисунок 5) позволяет сформулировать один из ключевых выводов исследования: кризис 2020 года стал сильным шоком для муниципалитетов всех размеров, и чуть заметная восстановительная динамика была характерна только для групп наиболее крупных из них (от 250 тыс. чел.). В средних и малых муниципальных образованиях «отмершие» сегменты в официальной занятости в последующие годы не продемонстрировали заметного роста, и, более того, результаты 2022 г. указывают на ускоряющееся сжатие их рынка труда, быстрее, чем в крупных городах.

Рисунок 5

Динамика числа занятых граждан РФ (по коду дохода 2000) в муниципалитетах различного размера⁷, 2019–2022 гг., в % к 2019 году. Примечание: на графике для каждой группы показан разброс значений в интервале [10%; 90%] и медиана.

Источник: рассчитано по данным ФНС.

⁷ По численности постоянного населения на 1 января 2021 г.

Заключение

Анализ индикаторов рынка труда (заработной платы и числа рабочих мест) на основе открытых данных ФНС РФ по субъектам Федерации и муниципальным образованиям позволяет оценить территориальное неравенство и его динамику с использованием максимально полной выборки. Ранее эта задача была трудновыполнимой из-за недостатков муниципальной статистики и различной методологии получения региональных и муниципальных данных, что не позволяло проводить релевантных сопоставлений. Мы также оценили глубину воздействия кризисных явлений 2020–2022 гг. – коронавирусных ограничений, санкционного и инфляционного давления – для рынков труда на разных территориальных уровнях.

Так, мы можем утверждать, что на российском рынке труда продолжают сохраняться базовые географические поляризующие оси «север-юг» и «региональный центр / крупный город – региональная периферия». Различия между полюсами проявляются не только в обеспеченности рабочими местами и разрывах в доходах населения, но и в масштабах и направлении динамики в периоды кризисных событий, вплоть до инверсии динамики, когда поселения меньшего размера опережают по динамике поселения большего. Многокомпонентные и сложные кризисные явления 2020–2022 гг. стали заметным ударом для российских регионов и муниципалитетов, но нашли неодинаковое отражение в состоянии их рынков труда.

Негативное влияние кризисных явлений 2020 г. и 2022 г. для числа занятых наблюдалось на всех трех территориальных уровнях (муниципалитеты, регионы и страна в целом), однако более отчетливо и глубоко спад проявился на локальных рынках труда небольших муниципалитетов. В средних и крупных городах страны в 2021 г. наблюдался восстановительный «отскок» в числе занятых, который помог выровнять ситуацию по регионам и стране в целом, хотя определенные негативные тенденции вновь возобладали в 2022 г.

Динамика заработной платы в период 2020–2022 гг. находилась под значительным влиянием государственной политики бюджетного стимулирования, особенно в 2020 г. в разгар коронавирусного кризиса. За счет дополнительного финансирования произошло некоторое повышение трудовых доходов как на региональном, так и субрегиональном уровне. Более заметный относительный эффект проявился в группах наиболее крупных и наиболее мелких муниципалитетов, в сельских поселениях. По этой причине именно в 2020 году произошла заметная конвергенция в зарплате на локальном уровне. Однако бюджетные инъекции имели ограниченное по времени влияние, затухнувшее в 2021 г. и сменившееся сокращением реальных медианных трудовых доходов в 2022 г. Этот факт заметно контрастирует с отмечаемой на всем рассматриваемом периоде положительной динамикой зарплат на национальном уровне, который достигается за счет ограниченного числа успешных регионов.